

Иногда
судьба сводит нас
не случайно...

A small golden crown icon positioned above the letter 'Н' in the title.

Княгини Бельские

ЕВА КОНСТА

16+

Ева Конста

Княгини Бельские

«Автор»

2026

Конста Е.

Княгини Бельские / Е. Конста — «Автор», 2026

Петербург, зима 1843 года. Бал у графини Ливен. Княжна Лиза впервые выезжает в свет — и встречает его. Князя Александра Ракитина. Вольнодумца. Человека с опасной репутацией. Того, от кого мать велела держаться подальше. Одно слово, написанное карандашом на клочке бумаги: «Жди вестей». Она не послушала. Она ответила. История о любви, которая сильнее света, предрассудков и страха. О девушке, сбежавшей из дома через окно. О дуэли, прощении и счастье, которое пришлось отвоевать. И уникальное продолжение о старшей дочери Катерине.

© Конста Е., 2026

© Автор, 2026

Ева Конста

Княгини Бельские

Княгини Бельские

Повесть.

Часть первая. Свет и тени

Глава 1. Зимняя симфония

Петербургская зима 1843 года дышала на Невский проспект сухим, колючим снегом, который вихрился вокруг фонарей, превращая их свет в мерцающие ореолы. Извозчики кутались в тулупы, лошади фыркали, роняя на мостовую клубы пара, и редкие прохожие торопились укрыться в дверях ресторанов и кофеен. В окнах особняка графини Ливен, напротив Казанского собора, горели огни, бросая на искрящуюся мостовую длинные, тёплые прямоугольники света. Внутри, за этими окнами, зима не имела власти: там царила вечная, знойная весна балов.

Карета князей Бельских, запряжённая четверкой вороных, остановилась у подъезда. Лакей в медвежьей шапке распахнул дверцу, и холодный воздух тотчас ворвался внутрь, заставив княгиню Варвару Ниловну зябко повести плечами, прикрытыми горностаевой накидкой. Она была женщиной строгой, честолюбивой и знала цену своему положению в свете. Дочь князя, она вышла замуж по расчёту, но с годами научилась находить удовольствие в управлении домом, в воспитании дочери и в тех мелочах великосветской жизни, которые для стороннего наблюдателя казались пустой суетой, а для неё составляли смысл существования.

Лиза — княжна Елизавета Григорьевна — вышла следом за матерью. Ей минуло семнадцать лет прошлой осенью, и весь этот год готовил её к нынешнему вечеру: уроки танцев, бесконечные примерки, наставления матери о том, как вести себя в обществе, какие книги можно читать, а какие надлежит прятать под подушку, с кем говорить и кому улыбаться. Это был её первый большой выезд, первый настоящий бал, куда она ехала не как дитя, наблюдающее из-за колонн, а как полноправная участница.

Всю дорогу от Фонтанки до особняка Ливен Лиза молчала, глядя в окно кареты. За стеклом проплывали заснеженные улицы, редкие прохожие, чёрные силуэты деревьев Летнего сада. Мать что-то говорила — о графине Строгановой, о княгине Голицыной, о том, как важно произвести хорошее впечатление, — но Лиза слышала лишь обрывки. Сердце её колотилось, ладони вспотели под перчатками, и она украдкой вытирала их о бархат сиденья. Она боялась. Боялась не столько бала, сколько того, что бал этот — начало чего-то нового, неизвестного, что уже нельзя будет повернуть вспять.

В вестибюле, отделанном жёлтым мрамором, толпились гости. Воздух, напоённый ароматом дорогих духов, воска и лёгкого холода, ворвавшегося с улицы, дрожал от гула голосов и шуршания шёлков. Лакеи в ливреях, бесшумные, как тени, принимали тяжёлые шубы — бобровые, песцовые, собольи, — открывая взору стройные фигуры дам в открытых платьях и мундиры кавалеров.

Лиза стояла у подножия широкой лестницы, ведущей в танцевальный зал, и сердце её колотилось где-то у самого горла, мешая дышать. Она ловила на себе любопытные взгляды — новые лица всегда привлекают внимание в обществе, где все давно знакомы и наскучили друг другу. Платье из бледно-голубого гроденапля, отделанное серебряным шитьём, которое она выбрала вопреки совету матери, казалось ей верхом совершенства, но сейчас, под оценивающими взорами выходящих из карет графинь и княгинь, Лиза чувствовала себя неуклюжей гусеницей, заточенной в этот воздушный кокон. Она видела, как, опережая их, по лестнице поднимались другие дамы. Их осанка была безупречна, головы украшены цветами и жемчугом,

а в глазах горела уверенная скука — та особенная, великосветская скука, которая считается признаком хорошего тона.

— Ну, Лизанька, не робей, — шепнула ей на ухо мать, поправляя невесомую газовую накипь на плечах дочери. — Помни: спина прямая, улыбка — только уголками губ, и глаз не прячь. Ты — Бельская.

Лиза кивнула, боясь, что голос ей изменит. Музыка долетала до вестибюля приглушёнными аккордами, обещая наверху настоящий водоворот звуков. Войдя в залу, Лиза на мгновение ослепла. Сверкали хрустальные подвески огромных люстр, отражаясь в паркете, натёртом до зеркального блеска. Сверкали эполеты военных, бриллианты на шеях и в ушах дам, их ожившие от волнения глаза. Белые колонны с золотыми капителями уходили ввысь, теряясь в сумеречной высоте потолка, где ангелы работы итальянских мастеров взирали на земную суету с олимпийским спокойствием.

Оркестр, скрытый в нише, грянул вальс.

И началось. Мир превратился в кружение. Лиза ещё не танцевала, стоя рядом с матерью у одной из колонн, всею прикрывая раскрасневшиеся щёки. Она наблюдала, как пары плавно скользят по паркету, подчиняясь сладкой власти ритма. Воздух, казалось, сам вибрировал в такт музыке. Графиня Ливен, хозяйка дома, величественная дама с седыми локонами и бриллиантовой фероньеркой на лбу, проплывала мимо гостей, одаривая каждого улыбкой, отмеренной по рангу и положению.

В этом водовороте лиц и нарядов взгляд Лизы вдруг остановился на одном человеке.

Он стоял, прислонившись плечом к колонне, чуть поодаль от основной массы гостей. Высокий, в безупречном фраке, с печатью лёгкой отстранённости на лице, которое трудно было назвать красивым в привычном смысле, но невозможно было забыть. Его тёмные волосы были коротко подстрижены, а серые глаза смотрели на танцующих с насмешливым любопытством, словно он видел в этом изящном спектакле нечто большее, чем просто бал. Рядом с ним стоял пожилой господин в штатском, что-то оживлённо рассказывая, но незнакомец слушал вполуха, и его взгляд скользил по залу, останавливаясь на лицах, будто читая чужие мысли.

— Кто это? — шепотом спросила Лиза у матери, кивнув в сторону незнакомца.

Княгиня бросила быстрый, осторожный взгляд. Её лицо на мгновение утратило обычную невозмутимость.

— Князь Александр Дмитриевич Ракитин, — так же тихо ответила она, и в её голосе Лиза уловила нотку, которой прежде не слышала. Это была не опаска, но и не одобрение. Скорее, настороженность. — Возвратился недавно из-за границы. Говорят, жил в Париже, в Лондоне... Слыл большим другом... некоторых литераторов. О нём много говорят, — добавила она значительно. — Но танцевать с ним... не советовала бы, если последует приглашение. Слишком спорная репутация.

— Чем же он так провинился, мама? — Лизе вдруг стало любопытно. В обществе, где все грехи сводились к карточным долгам или неосмотрительным романам, «спорная репутация» звучала интригующе.

— Говорят, он был близок с теми, кого государь не жалует. С Пушкиным, до самой дуэли... — Княгиня понизила голос до шёпота. — И с теми, кого выслали. Он и сам мог бы разделить их участь, если бы не имя и связи отца. Но умнее от этого не стал. Держится особняком, в карты не играет, по гостиним не разъезжает. Живёт в своём имении под Псковом, в Петербурге бывает наездами. И поговаривают, что пишет какие-то крамольные статьи.

В этот момент Ракитин, словно почувствовав взгляд, медленно повернул голову. Его глаза встретились с глазами Лизы. Она не отвела взгляда, хотя внутри всё оборвалось. Это длилось лишь секунду. Он чуть заметно, одними уголками губ, усмехнулся и, кивнув проходящему мимо знакомому, отвернулся.

— Маменька, я не собираюсь с ним танцевать, — пролепетала Лиза, чувствуя, как предательский румянец заливает щёки. — Я просто спросила.

Оркестр заиграл мазурку. Шум усилился, кавалеры заспешили приглашать дам. К Лизе подошёл молодой корнет с глуповатым, но добрым лицом, и пригласил её. Она согласилась с облегчением. Но даже выходя в круг, она краем глаза искала ту тёмную фигуру у колонны. Ракитин исчез.

Танец захватил её, закружил, заставил забыть о материнских предостережениях. Мазурка — это вызов, это гордость, это звон шпор и грациозные па. Корнет оказался неловким, но старательным кавалером, и Лиза отдалась ритму, позволяя музыке нести себя. Вскоре она поймала на себе одобрителный взгляд самой графини Ливен, и сердце её наполнилось гордостью. Она почувствовала себя своей. Страх отступил, уступая место восторгу.

Когда танец кончился, раскрасневшаяся и счастливая, она искала взглядом мать, чтобы разделить с ней эту маленькую победу. Гостиная, где сервировали прохладительные напитки, была полна народу. Пробираясь сквозь толпу, Лиза случайно задела веером чей-то рукав.

— Тысяча извинений, я так неловка... — начала она, поднимая глаза.

Перед ней стоял князь Ракитин. Вблизи его глаза оказались ещё более пронзительными, почти прозрачными, как невский лёд. От него пахло тонким табаком, дорогим одеколоном и той неуловимой мужской притягательностью, о которой пишут в романах, но которую редко встречаешь в жизни.

— Напротив, сударыня, это я должен просить прощения, что преградил путь ангелу, танцующему мазурку, — произнёс он негромко. Голос у него был низкий, с лёгкой хрипотцой, и в нём звучала та самая насмешка, которую Лиза заметила издали. Но глаза смотрели на неё серьёзно.

Лизе следовало опустить взгляд, пробормотать что-то незначашее и уйти. Так велел этикет. Так велела мать. Но вместо этого она замерла, чувствуя, как под его взглядом исчезает весь шум бала, остаётся только глухой стук собственного сердца и этот ледяной, пронзительный свет его глаз.

— Вы находите это забавным? — спросила она, сама поражаясь своей дерзости.

Ракитин улыбнулся. И улыбка эта вдруг преобразила его строгое лицо, сделав его почти мальчишеским.

— Я нахожу это... неожиданным. На балах редко встречаешь живой взгляд. Обычно здесь смотрят, но не видят.

Он взял её руку в перчатке и, чуть склонив голову, поднёс к губам. Его поцелуй сквозь тонкую ткань обжёг её запястье огнём.

— Позвольте представиться: князь Александр Ракитин.

— Княжна Елизавета Бельская, — выдохнула она, понимая, что только что перешагнула черту, за которой начинается что-то неизведанное и, возможно, опасное.

— Елизавета... Прекрасное имя. Благородное. — Он помолчал, всё ещё удерживая её взгляд. — Вы позволите пригласить вас на следующий танец?

— Я... — Лиза оглянулась, ища глазами мать. Княгиня стояла в отдалении, беседуя с какой-то пожилой дамой, и, к счастью, не смотрела в их сторону. — Если это не противоречит правилам...

— Правила созданы для того, чтобы их нарушать, — тихо сказал Ракитин. — Но сегодня я буду паинькой. Следующий танец — котильон. Я буду иметь честь пригласить вас официально, через вашу матушку. А пока... позвольте мне принести вам лимонаду.

Он исчез так же внезапно, как появился, и вернулся через минуту с хрустальным бокалом, в котором пузырьки игристого напитка переливались в свете канделябров. Лиза приняла бокал, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Вы давно в Петербурге, князь? — спросила она, чтобы прервать молчание, которое начинало тяготить своей интимностью.

— С неделю. Приехал по делам имения. Но, признаться, светская жизнь меня утомляет. Я предпочитаю тишину деревенской библиотеки этому... — он повёл рукой, указывая на балльную залу, — великолепному безумию.

— Вы не любите балы?

— Я не люблю притворство. А бал — это маскарад без масок. Все делают вид, что им весело, что они счастливы, что им интересно. На самом деле за этим блеском — скука, зависть, пустота. — Он посмотрел на Лизу с внезапной серьёзностью. — Вы не такая. Вы здесь... живая. И это опасно.

— Опасно? — удивилась Лиза.

— Здесь любят только мёртвых. Тех, кто следует правилам, не выделяется, не думает. А вы... у вас умные глаза. Поверьте моему опыту: умной женщине в нашем обществе приходится труднее, чем глупой.

Лиза не знала, что ответить. Никто и никогда не говорил с ней так. Молодые люди, искавшие её руки, рассыпались в комплиментах её глазам, талии, грации. Но никто не говорил с ней об уме, о мыслях, о том, что она чувствует.

— Вы читаете? — вдруг спросил Ракитин.

— Да, — призналась Лиза. — Но маменька говорит, что чтение портит зрение и характер.

— Ваша маменька ошибается. Чтение — единственное спасение от этой... — он снова обвёл рукой залу, — великосветской чумы. Что вы читаете?

— Сейчас — Вальтера Скотта. «Айвенго».

Ракитин усмехнулся, но без насмешки.

— Английские романы... Это хорошо для начала. Но если позволите, я пришлю вам кое-что другое. У меня есть книги, которых нет в продаже. Они печатались за границей. Но... — он помедлил, — это может быть рискованно. Ваша матушка вряд ли одобрит.

— Почему?

— Потому что эти книги заставляют думать. А думать в наше время... не рекомендуется. Он достал из кармана жилета визитную карточку и протянул Лизе.

— Если вы решитесь... напишите мне. Я остановился у тётки, на Мойке. Адрес здесь.

Лиза взяла карточку, чувствуя, что совершает что-то запретное. Карточка была тёплой от его тела, и это тепло передалось её пальцам.

— Мне пора, — сказала она, вспомнив о матери. — Меня, наверное, уже ищут.

— Конечно. — Он поклонился с безупречной учтивостью. — Благодарю за беседу, княжна. Вы подарили мне лучшие минуты этого вечера.

Она отошла, сжимая в руке бокал с недопитым лимонадом и карточку, спрятанную в складках платья. Бал вокруг продолжал греметь, но для Лизы музыка вдруг стихла, уступив место тишине, в которой билась только одна, новая, пугающая и сладкая нота.

Мать нашла её у окна в малой гостиной.

— Лиза! Где ты была? Я ищу тебя повсюду. Графиня Строганова спрашивала о тебе. И молодой князь Голицын намерен пригласить тебя на котильон.

— Я брала лимонад, мама, — ответила Лиза, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— А это что? — Княгиня указала на карточку, край которой выглядывал из-за кружева перчатки.

— Это... визитка. Одна дама просила передать, что будет рада видеть нас в среду, — солгала Лиза впервые в жизни.

Княгиня взяла карточку, взглянула на неё и нахмурилась.

— Здесь нет имени дамы. Только мужское имя. Лиза, что это значит?

— Я... должно быть, перепутала. Мне дали несколько карточек, я, наверное, не ту положила.

Княгиня внимательно посмотрела на дочь. В её взгляде было что-то новое — подозрение.

— Дай сюда. Я сама разберусь с приглашениями.

Лиза отдала карточку, чувствуя, как внутри всё обрывается. Карточка Ракитина исчезла в ридикюле матери.

— А теперь пойдём. Котильон вот-вот начнётся. И помни: никаких вольностей, никаких долгих разговоров с незнакомцами.

Они вернулись в залу. Князь Голицын, молодой человек с бакенбардами и скучающим выражением лица, уже поджидал их. Он пригласил Лизу на танец с подобающей церемонностью, и она согласилась, механически улыбаясь.

Котильон длился долго, с его замысловатыми фигурами и переменами партнёров. Лиза танцевала, но мысли её были далеко. Она искала глазами Ракитина, но он исчез. То ли уехал, то ли скрылся в карточной комнате, куда дамам вход был воспрещён.

Только когда бал кончился и они сели в карету, Лиза заметила, что держит в руке смятую бумажку. Должно быть, кто-то вложил ей в ладонь во время одной из фигур котильона. Она развернула её при свете уличного фонаря, пока лакей усаживал мать в экипаж.

На клочке бумаги было написано карандашом: «Жди вестей».

Лиза сжала бумажку в кулаке и спрятала в муфту. Сердце её колотилось так, что, казалось, заглушало стук копыт по булыжной мостовой.

— Ты устала, та chérie? — спросила княгиня, когда карета тронулась.

— Да, маман, — ответила Лиза, глядя в темноту за окном. — Очень.

Она не лгала. Она действительно устала — от танцев, от улыбок, от бесконечного напряжения. Но усталость эта была странной, перемешанной с возбуждением, с предчувствием чего-то важного, что должно было случиться.

Карета катила по ночному Петербургу, а Лиза всё смотрела на проплывающие мимо огни и думала о серых глазах, которые смотрели на неё так, будто видели насквозь — до самой души.

Глава 2. Утро после бала

Бельские жили на Фонтанке, в собственном доме, доставшемся княгине в приданое. Дом был старый, екатерининских времён, с колоннами и лепниной на фронтоне, с обширным двором и конюшней, где содержали выезд. Князь Григорий Иванович Бельский, отец Лизы, большую часть года проводил в имении под Саратовом, занимаясь хозяйством, которое приносило основной доход семье. В Петербург он наезжал редко, предпочитая столичной суете деревенскую тишину. Княгиня Варвара Ниловна управляла петербургским домом и вывозила дочь в свет, мечтая пристроить её как можно выгоднее.

Утро после бала началось для Лизы поздно. Солнце, пробиваясь сквозь тяжёлые портьеры, рисовало на паркете золотые полосы. Горничная Паша, девушка лет двадцати, давно уже ждала, когда барышня проснётся, но будить не смела — княгиня строго-настрого запретила тревожить дочь после первого выезда.

Лиза открыла глаза и несколько мгновений лежала неподвижно, возвращаясь к реальности. Сон и явь смешались в её голове. Ей снился бал, но странный — люди кружились в вальсе без музыки, а в центре зала стоял Ракитин и смотрел на неё, не отрываясь.

Она села на кровати, откинув одеяло. Воспоминания вчерашнего вечера нахлынули с новой силой. Его голос, его взгляд, его улыбка... И бумажка, зажатая в руке.

Лиза вскочила и бросилась к муфте, лежавшей на кресле. Бумажка была на месте — смятый клочок, на котором карандашом было выведено: «Жди вестей».

Она перечитала эти слова раз десять, пытаясь угадать интонацию. Кто написал это? Сам Ракитин или кто-то передал по его просьбе? И что значит «вести»? Письма? Записки? Или, может быть, визита?

— Паша! — позвала она.

Горничная вошла мгновенно, будто стояла под дверью.

— Доброе утро, барышня. Как почивали?

— Хорошо. — Лиза спрятала бумажку в рукав пеньюара. — Маменька встала?

— Княгиня уже в столовой, кушают кофий. И велели передать, что, как вы проснётесь, чтобы вы к ним пожаловали.

Лиза вздохнула. Разговора с матерью не избежать. Она умылась ледяной водой, чтобы согнать с лица следы сна, оделась в простое домашнее платье из серого шёлка и спустилась в столовую.

Княгиня сидела за накрытым столом, перед ней дымилась чашка с кофе. Рядом лежала стопка писем и газет. При появлении дочери она подняла глаза и окинула её внимательным взглядом.

— Доброе утро, Лиза. Выспалась?

— Да, маман, благодарю.

Лиза присела к столу, и лакей тотчас налил ей чаю. Она взяла чашку, стараясь не встречаться с матерью взглядом.

— Вчера ты имела большой успех, — начала княгиня без предисловий. — Графиня Ливен заметила тебя. Княгиня Строганова спрашивала, сколько тебе лет и танцевала ли ты уже на балах. Молодой Голицын от тебя не отходил.

— Он приглашал меня на котильон, маман.

— И это хорошо. Князь Голицын — прекрасная партия. Богат, родовит, не игрок. Мать его — моя давняя знакомая. Я не прочь была бы породниться с ними.

Лиза молчала, размешивая ложечкой сахар в чашке.

— Но есть одно «но», — продолжала княгиня, и голос её стал жёстче. — Я вчера видела, как ты разговаривала с князем Ракитиным. У фонтана в малой гостиной.

Лиза покраснела так, что даже уши загорелись.

— Маман, это было случайно. Я задела его веером и извинилась.

— И извинения заняли четверть часа? — усмехнулась княгиня. — Не лги, Лиза. Я не вчера родилась. Я видела, как ты смотрела на него. И как он смотрел на тебя. Это опасный человек, я тебе говорила вчера. И сегодня повторяю: держись от него подальше.

— Но почему, маман? Он князь, как и мы. Он принят в обществе, иначе его не пригласила бы графиня Ливен.

— Принят... — Княгиня отставила чашку. — Да, принят. Потому что имя и связи отца всё ещё защищают его. Но если бы не это, он давно бы разделил участь своих друзей. Ты знаешь, что он был близок с теми, кто участвовал в заговоре? С теми, кого сослали в Сибирь?

— Это было давно, маман. Он был молод.

— Он и сейчас не стар. И ума не набрался. Пишет статьи в журналы, которые запрещает цензура. Водится с литераторами, которых не жалует государь. Если ты свяжешься с ним, ты погубишь себя. И нас всех.

Лиза молчала, опустив глаза. В словах матери была доля правды — она и сама слышала разговоры о крамольных статьях, о вольнодумстве, о том, что за Ракитиным приглядывают. Но вчера, глядя в его глаза, она видела не заговорщика, не вольнодумца, а человека — умного, грустного, одинокого.

— И ещё, — княгиня выдержала паузу. — Эта визитная карточка, которую ты вчера пыталась спрятать. Это была его карточка, не так ли?

Лиза подняла глаза. Мать смотрела на неё в упор, и во взгляде её была не только строгость, но и что-то похожее на страх.

— Да, маман, — тихо ответила Лиза. — Он дал мне её, когда принёс лимонад. Сказал, что если я захочу... почитать какие-то книги, я могу написать ему.

— Книги! — Княгиня фыркнула. — Хороши книги, которые он предлагает барышням. Знаешь ли ты, что у него в имении, говорят, целая библиотека запрещённых изданий? Что к нему приезжают оттуда, из-за границы, и привозят книги, которые жгут на кострах?

Лиза не знала этого, и признаться, слова матери не испугали её, а заинтриговали ещё больше.

— Я не собираюсь писать ему, тамап. И читать запрещённые книги тоже не собираюсь.

— Смотри у меня. — Княгиня взяла со стола конверт. — Вот, пришло приглашение от Строгановых. У них бал через две недели. И отдельно — приглашение на малый вечер к Голицыным в следующую субботу. Там будут только свои. Это хороший знак. Голицыны приглядываются к тебе.

Она протянула дочери приглашения.

— А это... — она достала из ридикюля карточку Ракитина и положила её на стол рядом с чашкой Лизы, — я сожгла сегодня утром. Надеюсь, ты не сердишься.

Лиза смотрела на пустое место, где только что лежала карточка. Ей вдруг стало холодно, будто зимний ветер ворвался в столовую.

— Нет, тамап, — сказала она ровно. — Я не сержусь.

Остаток дня тянулся бесконечно. Лиза пыталась читать, но буквы расплывались перед глазами. Она садилась за фортепьяно, но пальцы не слушались. Она вышивала, но нитки путались.

К вечеру пришла портниха — мадам Жозефина, француженка с седыми буклями и вечной лорнеткой в руках, — чтобы примерить новое бальное платье, заказанное ещё до вчерашнего бала. Лиза стояла перед трюмо, пока мадам Жозефина ползала вокруг неё с булавами в зубах, подкалывая подол, и думала о том, что через две недели на балу у Строгановых она, возможно, снова увидит его.

А если и увидит — что тогда? Подойти? Отвернуться? Улыбнуться?

Она вспомнила его слова: «У вас умные глаза». Никто и никогда не говорил ей таких слов.

Ночью, когда дом затих, Лиза достала из-под подушки смятую бумажку — ту, с надписью «Жди вестей». Она лежала там, куда Лиза спрятала её утром, боясь, что мать найдёт и эту.

Она смотрела на неровные карандашные буквы и гадала: придут ли вести? Или это была пустая фраза, сказанная на балу, чтобы заинтриговать наивную барышню?

За окном шумела Фонтанка, ветер гнал по воде рябь, и в этой ряби отражался месяц. Лиза прижала бумажку к губам и прошептала в темноту:

— Я буду ждать.

Глава 3. Бал у Строгановых

Через две недели состоялся бал у Строгановых — тот самый, о котором говорила мать. Лиза готовилась к нему с особым чувством, которое сама себе не решалась признать: она надеялась увидеть Ракитина.

Платье было новое — нежно-лиловое, с серебряной вышивкой по корсажу. Мадам Жозефина постаралась: оно сидело безупречно, подчёркивая и стройность фигуры, и благородную бледность кожи. Лиза смотрела на себя в зеркало и видела незнакомку — красивую, уверенную, почти светскую даму.

— Хороша, — сказала княгиня, оглядев дочь. — Сегодня ты должна произвести впечатление.

— Я всегда должна производить впечатление, тамап, — ответила Лиза с лёгкой усмешкой.

Княгиня не заметила усмешки. Или сделала вид, что не заметила.

Бал у Строгановых был многолюднее, чем у Ливен. Здесь собрался весь цвет петербургского общества: дипломаты, гвардейцы, богатые купцы, литераторы. Залы сияли огнями, музыка гремела, и воздух был гуще, жарче, тяжелее.

Дмитрий Голицын подошёл к Лизе почти сразу. Он был в парадном мундире, причёсан, надушен и явно взволнован.

— Княжна, — сказал он, целуя её руку, — вы сегодня... вы сегодня прекрасны.

— Благодарю, князь.

— Могу ли я надеяться на танец?

— Конечно.

Они танцевали вальс. Дмитрий держал её крепко, но неуклюже, наступал на ноги, сбиваясь с ритма. Лиза улыбалась и терпела. Он говорил что-то о службе, о лошадях, о том, как скучно в деревне зимой. Лиза отвечала односложно и искала глазами в толпе знакомую тёмную фигуру.

Ракитина не было.

После вальса был котильон, потом мазурка. Лиза танцевала с разными кавалерами, улыбалась, поддерживала разговор, но чувствовала себя куклой, заведённой на весь вечер. Где-то глубоко в душе росла тревога: неужели он не придёт? Неужели то, что было на балу у Ливен, — лишь случайность, о которой он уже забыл?

Ближе к полуночи, когда Лиза уже начала терять надежду, она увидела его.

Ракитин стоял у окна в дальнем конце залы, один, с бокалом в руке. Он смотрел не на танцующих, а на снег за окном. Лиза почувствовала, как сердце пропустило удар.

Она не знала, как к нему подойти. Этикет запрещал даме подходить к кавалеру первой. Но она и не собиралась подходить — она просто хотела, чтобы он её заметил. Она подошла к группе дам, стоявших неподалёку, и заговорила с одной из них — княжной Орловой, своей дальней родственницей.

Через минуту она почувствовала на себе взгляд. Обернулась — Ракитин смотрел на неё. Он слегка поклонился и улыбнулся.

Лиза ответила кивком и отвернулась, чувствуя, как горит лицо.

К концу вечера, когда уже подали ужин и гости начали разъезжаться, лакей поднёс Лизе на подносе бокал шампанского. Под бокалом лежал сложенный листок.

«Завтра, в три часа, у Исаакия. Я буду ждать».

Лиза сжала листок и спрятала в муфту. Сердце колотилось так, что она едва могла дышать.

Глава 4. Светские тайны

Неделя тянулась медленно, как патока. Лиза бывала в гостях с матерью, принимала визиты, ездила с поздравлениями к именинницам, но мысли её были далеко. Она ловила каждое упоминание имени Ракитина в разговорах, но его имя упоминали редко и с оглядкой.

В четверг они отправились с визитом к княгине Щербатовой, старой приятельнице матери. Княгиня Щербатова славилась своим умом и остротой языка; в её гостиной собирались те, кого не всегда жаловали в других домах — литераторы, учёные, чиновники средней руки, но люди интересные.

— Ах, Варвара Ниловна, как я рада вас видеть! — встретила их хозяйка. — А это ваша дочь? Какая прелесть! Помню, помню, на балу у Ливен вы были в голубом? Восхитительно!

Лиза присела в реверансе, чувствуя на себе внимательный, оценивающий взгляд старой княгини.

— Садитесь, садитесь, — засуетилась княгиня Щербатова. — У меня сегодня кое-кто будет... Вы, может быть, слышали — князь Ракитин обещал заехать.

У Лизы ёкнуло сердце. Она почувствовала, как краска заливает щёки, и опустила глаза, боясь, что мать заметит.

— Ракитин? — переспросила княгиня Бельская холодно. — Мы, пожалуй, поедem. Нам ещё к Строгановым нужно...

— Полноте, Варвара Ниловна, — перебила княгиня Щербатова. — Посидите хоть полчаса. Чайку попьем. А Ракитин — он человек интересный, хоть и скандальный. Вы же знаете, я старых друзей не бросаю. А его покойная мать была моей лучшей подругой.

Княгиня Бельская поморщилась, но осталась. Осталась и Лиза, боясь дышать и моля Бога, чтобы Ракитин пришёл.

Он пришёл через четверть часа. Вошёл — высокий, в чёрном сюртуке, с тростью в руке, — поклонился хозяйке, потом окинул взглядом гостиную и остановился на Лизе. На мгновение в глазах его мелькнуло удивление, потом — радость, которую он тут же спрятал под маской светской учтивости.

— Княгиня, — поклонился он матери Лизы. — Княжна. — И отдельный, более глубокий поклон — Лизе.

— Садитесь, князь, — указала княгиня Щербатова на кресло рядом с Лизой. — Мы как раз говорили о новых книгах. Вы, говорят, привезли из-за границы что-то интересное?

— Привёз, — ответил Ракитин, садясь. — Но, боюсь, наши дамы не одобряют. Там много вольностей.

— Вольности нынче не в моде, — вставила княгиня Бельская колко.

— К сожалению, — согласился Ракитин. — Вольности мысли, вольности слова... Всё это под запретом. Но, как говорили древние, «per aspera ad astra» — через тернии к звёздам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.